

«Всякий раз кипеть и истощаться»: о Борисе Вепринцеве

<https://oralhistory.ru/talks/orh-952>

🎤 11 апреля 1992

Собеседник

Шноль Симон Эльевич

Ведущие

Радзишевская Марина Васильевна, Дубровина Наталья Ивановна

Дата записи

Беседа записана 11 апреля 1992 и опубликована 30 июля 2024.

Введение

Четвертая беседа с биофизиком Симоном Шнолем посвящена ученому Борису Вепринцеву. Рассказ начинается с истории отца — Николая Вепринцева — старого большевика по кличке Петербуржец, ссорившегося с Кобой и спасенного от расстрела телеграммой Ленина. Шноль рассказывает, как юный Борис заинтересовался биологией и поступил в МГУ — а затем был арестован и попал в заключение. Лагерный опыт непоправимо деформировал личность ученого, однако после освобождения Вепринцев вернулся в науку и всю жизнь совмещал биофизику с орнитологией, работая в лаборатории и создавая уникальный архив записей голосов птиц.

Беседа подготовлена и опубликована при поддержке БФСО «Дар» в рамках программы документирования истории образования в России.

«Отсюда можно было ни на кого не смотреть — все было внутри»

Симон Эльевич Шноль: Есть особая странность в истории страны периода, который имеет точно очерченные рамки: это весна 45-го и почти август 47-го года. Это немного очень, но это щель свободы, восторга и такого ренессанса, которая определила жизнь вот этого слоя, поколения, которое получило впечатления всего только в эти три года. Что бы потом ни было — у них след этот. Я за ними сейчас слежу. Они сейчас уже дошли до предела и вот вымирают — мы то есть. Нас осталось немного, и я всех собираю в памяти.

К ним относится Роман Хесин[-Лурье] — типичный студент довоенных лет, это особое качество, вот как и Блюм¹, как другие нынешние семидесятилетние. Они такие спортивные, бодрые (ну, Блюм, может, не такой спортивный, бодрый, как Хесин[-Лурье]), это особый стиль спортивности: альпинисты, лыжники, гимнасты. Такой, благородный, я бы сказал, университетский спортивный дух и комсомольская активность, дружеская активность, несмотря ни на что. Ощущение радости жизни — это вот странно очень в новом поколении — полное ощущение. И когда началась война, то этот стиль воспитания восторга жизни был такой, что они рвались на фронт изо всех сил: им не надо было решаться, они шли с восхищением. Это свойство мне известное, я знаю его и по тем, кого видел, и по тем, кто еще жив.

¹ Речь о Льве Блюменфельде.

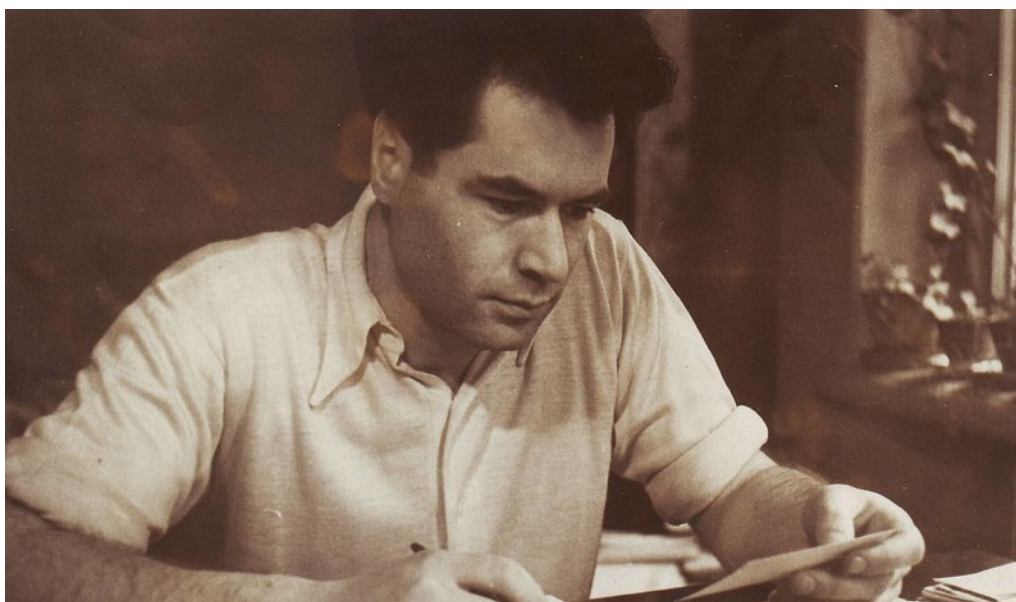
Хесин[-Лурье] ушел на фронт, он был сильно ранен с контузией под Ржевом, и еще (забыл второе место) сильно в таз попали осколки металла, тазовые кости раздроблены — он мог бы вообще не шевелиться больше. Но тут удивительная история.

” У него отец был выдающийся хирург Хесин-Лурье — и отец сам оперировал сына.

Кто понимает, что это такое, тот может себе представить. Больше того, отец его на ноги поставил. И мы никогда это не знали, я узнал только после смерти Романа, что он-то на самом деле был сильно оперирован и вполне могло быть, что он бы и не ходил. Он железной своей спортивной настроенностью встал на ноги, заставил себя тренироваться и был также спортивен, как и до войны, по духу.

Вот Роман Хесин[-Лурье] ушел с четвертого, наверное, курса. Сразу поступил в аспирантуру, был аспирантом Серебровского. Да, более того, он уже на первом курсе (вот это стиль!) кружок организовывал для изучения генетики — это я вот сейчас видел у них в институте список участников кружка. Это очень интересно, что такой кипучий стиль сочетается с тихим голосом и мягкими манерами. Это контраст, это не штамп. Это у филологов обычно есть гармония, я просто помню филологический факультет тех лет. Там уж действительно, если он такой передовой, то, значит, видно: он и говорит громко, и жесты у него. А тут нет: тихий мяукающий голос — и при этом такая неукротимость.

Когда началась дискуссия, о которой я рассказывал здесь, то там как раз выступал Хесин[-Лурье] своим тихим голосом, говорил ужасно резкие слова, и секретарь партбюро факультета, доцент кафедры генетики той же самой — а Хесин[-Лурье] только что защитил, только что стал ассистентом — Алихонян счел необходимым отмежеваться от слишком резких высказываний молодого товарища и поставить его по партийным, так сказать, нормам, на место, поскольку он боялся, что это уж слишком.

Роман Хесин-Лурье, 1950. Источник: ru.wikipedia.org

Героическую жизнь Хесина[-Лурье] я сейчас дальше давать не буду (она абсолютно героическая и исключительной важности), но я думаю, откуда это берется. Это берется из этих вот лет войны, свободы — и военной свободы, когда они сами воевали и сами: он вернулся в 43-м году в госпиталь. В 44-м он был опять на факультете, как-то передвигался. Это относится

к обстановке моего рассказа — такие люди вокруг. И их довольно много: железные и всякие. К ним относится, опять же, не успею я про него рассказать толком, мой любимый старший товарищ, тоже семьдесят лет, Владимир Николаевич Вехов. Владимир Николаевич Вехов — ботаник-классик.

Вот что такое университет и ботаник? Это Вехов.

Владимир Вехов. Источник: vov.bio.msu.ru

Его сейчас знают, он умер в один день с Вепринцевым, у них есть странное совпадение: они ровесники по дате смерти. Ой, сегодня одиннадцатое апреля, сегодня день смерти Вепринцева.

Одиннадцатого апреля 90-го года, в один день, умерли Вепринцев и Вехов — два моих друга с двух сторон. Вепринцев — после долгих трехмесячных хирургических операций, а Вехов... Пошел поздравлять кафедру геологии с юбилеем весело и, двигаясь по этажам, упал с разрывом аорты. Будучи совершенно здоровенным и мощным, могучим, как лось, ходящим по тайге еще предыдущей осенью — так, что студенты все отставали... Он был на моем шестидесятилетии двадцать первого марта — за двадцать дней, там видеофильм был снят, и он говорит: «Ну, я-то буду жить сто лет, естественно, а тебе желаю, так сказать, продержаться». Мы с ним поменялись местами.

Вот Вехов, Хесин[-Лурье] — это только младший слой, но поколение, которому (я про Московский университет, как ясно) достались эти три года и еще досталось совершенно неповторимая комбинация и сочетание великих людей. Это слова тимофеевские тоже: никогда и нигде, ни в какой стране больше не может быть такого величия в одном месте. Причем это почти осознанное величие, это создавало такое чувство уверенности в себе, бодрости и, в общем, не на кого оглядываться.

Вот просто перечисление. Лучший лектор университета Сабинин, о котором была речь, величественный Заводовский, классик Шмальгаузен — понятно, что классик, и понятно, что со всеми своими тихими качествами, могучие зоологи, причем всех оттенков зоологи: от натуралиста-следопыта Формозова, который по кусочку коры говорит, кто откусил, или по тому, как упала чешуйка шишки, знает, что <нрзб> белкой, где она сидела. Вот такой арсеньевско-дерсузальный и прочий натуралистический стиль — это волшебное совершенно. Ну и просто люди широкие, натуралисты. До зоологов-теоретиков, которые размышляют о тонкостях эволюции, происхождении, и экологов. Такого слова тогда не было, это идет от старого Северцова, Николай Алексеевич Северцов, конца прошлого века, 70-е годы прошлого века.

Потом был Сергей Иванович Огнев, тот самый, который учил Тимофеева[-Ресовского], он уже был маститым. Я про него рассказывал историю. Про Сергея Ивановича я такой анекдот могу рассказать, это за мной долг. Был Владимир Георгиевич Гептнер. Гептнер — теоретик-зоолог, а Огнев — это таксономист, который измеряет черепа и шкурки, классик, без которого зоологии не бывает. И это школа для Тимофеева[-Ресовского] когда-то была.

Н. Д.: А он же его водил в экспедиции?

С. Ш.: Сергей Иванович. Потому что ходил-то молодой Тимофеев[-Ресовский] с Иваном Фроловичем по церквам. Сергей Иванович фотограф, это сплошное наслаждение!

Тролов(?) старший, Спангенберг, кого там только ни назовешь, Дементьев, Бутурлин... Бутурлин — это фамилия древнего рода, это орнитологи величайшие.

Я к тому, что действительно можно было ни на кого не оглядываться, сюда можно было смотреть, а отсюда можно было ни на кого не смотреть — все было внутри.

Лев Иванович Курсанов — это низшие растения и все величие, с этим связанное. Константин Игнатьевич Мейер — это высшие растения, это книги и классика, происхождение высших растений — опять можно оглядываться, просто читать его труды. Я к старости понимаю, что это удивительно, это неповторимо... Сейчас мы так привыкли чувствовать себя вторым, третьим, четвертым сортом, и на нас свысока поглядывают, а тут — все наоборот. И можно было никакие языки не изучать: нужно было знать, конечно, латинский, чтобы правильно писать название, не больше.

Н. Д.: Это значит, не только биология теоретическая, не только генетика, а вообще...

С. Ш.: Нет, генетика — это только ответвление настоящей. Вот Скадовский основатель гидробиологии. Было хуже с физиологией. Кафедру физиологии тогда возглавлял блестящий человек в некоторых своих качествах, Коштянец, но подлый, а подлость его нам была неизвестна, это потом: он когда-то писал статьи про Кольцова в «Правде» (он был в Институте красной профессуры) — «Лжеученым не место в Академии». Хачатур Сергеевич написал когда-то, и, увы, все его блестящие качества снимаются тем самым. Но мы этого не знали, мы все равно восхищались.

Великие люди не боялись выдающихся людей рядом с собой. У них настолько был масштаб хороший. Потом, когда пошли мелкие люди, то для них была обратная селекция: обязательно, чтоб был хуже меня, — и они довели Московский университет до совершеннейшего ничтожества, — чтобы обязательно был слабее. Потому что, если сильный, как же я тогда буду? Я выйду на лекцию, а этот меня затмит. Этой обратной селекции тогда не было именно потому, что их нельзя было затмить. Кто мог затмить Завадовского, когда он был незатмеваем? Сергей Евгеньевич Северин всегда был незатмеваем, он был настолько блестящ, хотя он на самом деле относится к людям с обратной селекции, он очень к этому осторожно относился. Вот его воспитанник Скулачев, не прошедший в ректоры, но обязательно вдали от него. Это совсем другая была линия.

Причем что замечательно у Сергея Евгеньевича: точно словами мотивируя, и это сила дипломатии. Как говорил когда-то Вышинский, самый правдивый человек на свете, что сила советской дипломатии — правда. (*Усмехаются.*) Так вот, Сергей Евгеньевич говорил: «Так вот, я оставлю этого человека, так он будет тут блистать. А что будут мои сотрудницы делать тогда?» Вот так например. Это ведь тоже правда, и тоже ничего не скажешь, уже дальше опуститься некуда, и все хорошо. Но он на самом деле блистал, и лучших лекций не было по этому предмету, и это было хорошо. Был Белозерский, довольно тихий. Был немножко нам непонятный Опарин. Но это всё величины. Теперь я начинаю рассказ, я просто рассказываю, куда попал студент Вепринцев и откуда попал.

О революционере Николае Вепринцеве и его семье

Борис Вепринцев — сын Николая Александровича Вепринцева. А Николай Александрович Вепринцев имел партийную кличку Петербуржец, вступил в партию РСДРП в 1902, наверное, году². Он был профессиональный революционер, более того, он был не просто профессиональный революционер, а он был пролетарием истинным, из рабочих, он и его брат Петр. Два этих рабочих, очень интеллигентных, но все равно, так сказать, происхождение такое остается, умелых, в борьбе за дело рабочего класса перешли полностью на революционную работу, и он был направлен партией, как тогда говорили, большевиков, в Баку. И Николай Александрович был смелым человеком, вообще порода Вепринцевых — бесстрашных людей, они такие дикие на самом деле. Там, в Баку, он ведал всякими подпольными делами, и ему не понравился один из бакинских большевиков — Коба его была кличка партийная. (*Все смеются.*) А Кобу он не любил вот почему. Это всё легенды, которые можно документировать, но это неважно сейчас.

Надо было спрятать подпольную типографию спешно, аресты шли. Велел он Кобе, он был старше, спрятать, а тот испугался. Тогда разгневанный Николай Александрович со свойственной ему решительностью, по легенде, спустил с лестницы, слегка побив, Кобу, всячески его понося, и сам все сделал. Как вы догадываетесь, это в памяти осталось у побитого. Мне очень нравится этот эпизод при том, что его проверить очень трудно, но рассказ такой есть.

² Николай Вепринцев вступил в партию в 1903 году.

По агентурным сведениям, принадлежал к этой группе и находился в коммунистических отношениях с названными ее деятелями. Сообщения под отставкой 8 июля, по 3 ноября 1901 г., затем вышущие под особ. назв. полиции. По соглашению мещ-ра ви. дал и сведения в марте 1904 г. дело в отношении В. прекращено по недостаточности улик.

Смер 1905 (9-3) — Мое июня, 1901, № 1181.

Венцзянь, Евгений Юлианович, мещанин г. Ковно, слесаря. Род. в 1881 г., окончил курс маринского учаша. В 1903 г. был привлечен по делу о с.-д. кружке рабочих Ковноских заводов (в Ковно). Совершался под стражей с 6 марта по 21 авг. 1903 г., затем был под особ. назв. полиции в Ковно, Обвинения в союзнике в чинах «Петербургин. Союз борьбы за освобождение раб. класса», в организации при содействии неопытных агентов т.г. кружка в Ковно, устройство у себя на квартире складов, поспешности по отпечатавшему ком-том «Союза борьбы» названия и колпачки рабочим. Подготовил устройство демонстрации на 22 июня 1903 г. Совокуп. г. р. ездил в целях агитации в Коломенск, у. Московск. губ. и в г. Спб. По амк. пов. 16 июня 1904 г. определено вынести В. в наказание правительственное заключение.

Данные июня июня, 1904 ч. 2, я. л. 20—24—дин. нис. 3 мая, 1903, № 143; 5 мая, 1904, № 266, с. 1. — Мое июня, 1904.

Вепринцев, Николай Александрович, мещанин г. Тулы, рабочий-металлист. Род. в 1883 г. в рабочей семье. Окончил церковно-приходскую школу. С 1896 по 1905 г.г. работал на Тульском оружейном заводе сначала в качестве ученика, затем слесаря, фрезеровщика, чугуно-мелкоплетильщика. В начале 90-х г.г. перешел в с.-д. движение, в течение 1903—05 г.г. работал в Тульск. орг-ции РСДРП пропагандистом и организатором; большевик. 5 мая 1904 г. был арестован, 19 мая освобожден, ок. 18 марта вновь выслан под стражу и оставался в тюрьме до 17 июня 1904 г. Арест произведен в виду указания агитации, что В. принадлежит к местной с.-д. орг-ции. При обыске найдены пропаганды Петербурга, листа РСДРП. Привлечен к дознанию и вместе с С. И. Каминским и др. Обвинение в поспешности было расклевывание листов хранения запрещенной литературы (2 в. 112 ст. угол. улик.). По манифесту 11 авг. 1904 г. дело было прекращено. В 1905 г. вел агитационную работу среди рабочих Тульск. оружейного зав. Был избран одним из руководителей забастовки оружейников, которая была назначена на 30 июня 1905 г.; Польща В. него товарищей вымать стачку, однако, не удалось, а сам В. был при этом арестован. Привлечен по тому делу о с.-д. движении и до разрешения его был освобожден под особ. назв. полиции. Переехал в Петербург, где его застали остервенные события 1905 г. Работал там как партийный профессионал на Выборгской стороне и по-

дровых заводах («Николай Выборгский» «Переходской»). Состоял в агитаторской колонии при Петербурге, ком-те РСДРП. В 1906 г. продолжал работать в с.-д. организации, принял участие в образовании Союза безработных и профес. союза металлистов. В первом он был председателем Выборгского района — до авг. 1906 г. Из Пе-

Н. А. Вепринцев.

С фото, 1908 г.

Из фото. Мое «Круга» в Спбске.

тербурга в свет. 1906 г. бежал и поселился в Баку, где работал слесарем в Балаханск. районе, принимая одновременно активное участие в партийной работе; являлся одним из лидеров местных большевистских работников. После обыска (в его отсутствие) вынужден был прекратить свою работу в Балаханске и переехал в район Баби-Эйбата, где работал под псевдонимом «Петербургский» был избран секретарем Баби-Эйбата, района профес. союза нефте-промышленных рабочих. В Баку арестован дважды. Первый раз — 5 мая 1907 г. на заседании активных деятелей Балаханск. организации, вместе с Сабуровым, Саввакиным и др.; 18 мая освобожден. Постановление мещ-ра ви. дел об отпуске на 2 года под особ. назв. полиции вне Балаханск. и станицких губ. не было исполнено за иррегулярным В. Второй раз арестован 13 г.г. в Баку, обучил оружием высланной сосисей Тифлиса, суз. назв. на по 126 ст. угол. улик., совместно с Павлом Санкверидзе (Никола). После выхода на термы в 1908 г. вновь направлен в Петербург, Ст. Балваностровск. рабочего кул-ба «Источники света» и заданья в конце 1909 г. был привлечен на съезд по борьбе с алкоголизмом, но не пошел на него из-за ареста. Промаял месяц в Коломенск. арестом июня, затем выслан из Петербурга, поселился в его окрестностях и жил там до авг. 1910 г. Был арестован снова и после

Портрет Николая Вепринцева. Источник: elib.shpl.ru

Самое удивительное, что вот эти революционеры с очень высокими критериями человеческими в значительной степени были. Мы сейчас их перестаем понимать и искажаем их облик, а это были совершенно благородные люди, хотели счастья народу. У него был свой взгляд на предмет. И когда он понял, что речь идет об убийствах и несправедливостях, он вышел из партии большевиков. Такой вот сделал шаг.

После революции он очень был недоволен и все-таки вступил снова, был послан на Урал или там находился. На Южном Урале он был председателем профсоюза металлистов. Понимаете, что это такое: металлисты Урала и их председатель Николай Вепринцев. Это, кажется, было в Златоусте. В Златоусте примерно ЧК или кто-то там, 18-й год или 19-й, вдруг арестовали всю Думу, всех людей просто по классовому признаку, и чуть ли ни собирались расстрелять, а он их выпустил, сказал: «Они ни в чем не виноваты, в чем дело? Они ничего плохого не делали».

” И тогда на него сейчас же завели дело, объявили его контре и приговорили его к расстрелу.

Его спас Ленин, который его знал. Послали телеграмму, сумели, в Петроград. Ленин прислал телеграмму — этого было достаточно. Ленин, как мы теперь знаем, писал письма и телеграммы: «Побольше расстреливайте, тысячу-другую», — своих он все-таки берег. Николая Александровича отпустили.

Как он дальше жил, я не знаю. У него были друзья в партии большевиков, и ближайшим его другом был Глеб Максимилианович Кржижановский. И когда начался план ГОЭЛРО, то этот рабочий-электрик был назначен председателем комиссии по энергетике, что-то в таком духе. И они вместе с Глебом Максимилиановичем хорошо работали. Длилось это до 31-го или до 32-го года, когда началась волна. И счастье его, что он был арестован тогда, а не позже, в 34-м году он бы не прожил. Его сразу на десять лет уперли.

Он женился. Его супруга учительница, Зинаида Михайловна, мать Бориса, симпатичная очень, замечательная женщина, которая осталась с тремя детьми в Москве по аресту отца, да еще было постановление выселить их и отнять хлебные карточки — такая была милая беседа в двадцать четыре часа. Спас их Орджоникидзе, друг отца. Я просто это вам рассказываю и вообще всем рассказываю, потому что мне очень интересно, откуда это все берется.

Орджоникидзе потребовал отменить в отношении семьи постановления — тогда, в 31-м — 32-м году это еще было можно. Их оставили в Москве и забыли. Всё, больше не осталось Николая Александровича, и семью не трогали больше. И Зинаида Михайловна смогла выращивать троих детей. Был мальчик Борис, он родился в 28-м году, ему было четыре года, он был совершенно счастливый ребенок, совершенно невыносимой прекрасности, как я сужу по его детям, блондин с голубыми глазами и розовым лицом — он таким долго был. С крайним энтузиазмом, совершенно невыносимым энтузиазмом. Он не мог вынести, что сестры что-то изучают, он хватал их книжки, стал изучать немецкий язык за сестрой, когда ему было лет пять. И вот эта активность детская — это гены же всё, нигде не денешься, все делал сам, и в нем было генетическое свойство биолога.

Я знаю, как выбирать биологов: нужно весной пойти по лугам и болотам, и тех из группы, кто останется в прудах и болотах, брать на биофак.

Ну или давать возможность поступать на биофак.

Борис Вепринцев и биология

Вот он влезал в болота, влезал в пруды, у него все жили всегда, аквариумы, ну это понятно, это как лепка — непреодолимо. И мать сумела — непонятно как — сделать им счастливое детство. То, что отец на каторге, он просто не знал, он толком это не понимал, и это свойство детское, конечно, но сестры знали старшие. А он нет. И он был полон энтузиазма, горения и кипения. И тогда было, как многие знают, движение юных натуралистов, это ладно, но Михаил Михайлович Завадовский, а еще больше Петр Александрович Мантейфель, в зоопарке устроили знаменитый и великий Клуб юных биологов Московского зоопарка, КЮБЗ. В этот КЮБЗ был сильнейший конкурс, туда просто так попасть было невозможно. Нужна была, во-первых, рекомендация старших товарищей, а во-вторых, нужно было иметь достоинства, и защищать их в докладах и каких-то материалах.

Главным молодым человеком там был Константин Николаевич Благосклонов, он умер два года назад, Костя Благосклонов. Это все предвоенное счастье, это 39-й год, 40-й. Восторг и бодрость, Борису двенадцать лет, в двенадцать лет не принимают в КЮБЗ, принимают в четырнадцать, но он совершенно пренебрегал этим препятствием: он туда к ним приперся и сказал, что будет у них. Мне это рассказал Курелла, который на биофаке сейчас есть, Грегор Курелла, немецких коммунистов сын, который с ним с тех пор знаком.

От него не могли отбиться, и тогда, чтобы от него отбиться, ему дали самый сложный доклад, который никто не брал, — они выбирали себе темы для докладов. Он делал доклад «Лабиринтовые рыбы». Это аквариум зоопарка, и он такой сделал доклад, что они его тут же приняли.

В 40-м году Михаил Михайлович Завадовский и Петр Александрович, я даже не знаю, не буду их различать, кто из них как, Михаил Михайлович — директор зоопарка. Петр Александрович Мантейфель, дядя Петя знаменитый — это героическая совершенно, яркая личность, о которой нужно тоже рассказать. Все о нем знают, конечно, но нельзя забывать, что он имел сильнейшее влияние на общество вокруг — это охотовед, натуралист, в духе немножечко Формозова, но такой охотоведческий более, такой зоолог и зоопарковый зоолог, и потом он возился с детьми, барон Мантейфель.

Их приглашали всюду, когда какие-то были зоологические события. И вот это событие, которое я описал, я просто цитирую, у меня есть кусок из него. По-видимому, из Ленинграда приехал Александр Николаевич Промптов, ученик Кольцова и сотрудник, а Промптов замечательен тем, что он сочетал такую биофизику с глубочайшим знанием орнитологии, и не просто знанием птиц, а знанием...

Н. Д.: Как говорил Николай Владимирович, «любитель птичек».

С. Ш.: Это такой любитель, который анализировал, делал научный анализ птичьих голосов и пения, смысла, генетики, сигнализации, вариации и прочее. Александр Николаевич Промптов понимал, что это можно делать только технически по-настоящему. И вот в Зоомузее, в нижнем зале, по-видимому (я так воображаю, в нижнем, но не знаю), он читает лекции и показывает первые записи голосов, которые он делал на каких-то примитивных дисках, там были диски с иглами. И Борис Вепринцев уже пишет те самые сильные впечатления жизни. Ему двенадцать лет, он слышит, как в гулком, резонансном зале поют соловьи и какие-то еще прочие птицы. Это впечатление потрясающее. А потом это надо иметь в виду возраст. В двенадцать лет, когда вы что-нибудь такое воспринимаете, вы понимаете, что это захватывает воображение.

Сколько я понимаю, в 41-м году весной или в феврале они жили около кинотеатра «Ударник», в домах, только не в сером этом доме, а в обычных каких-то домах, недалеко.

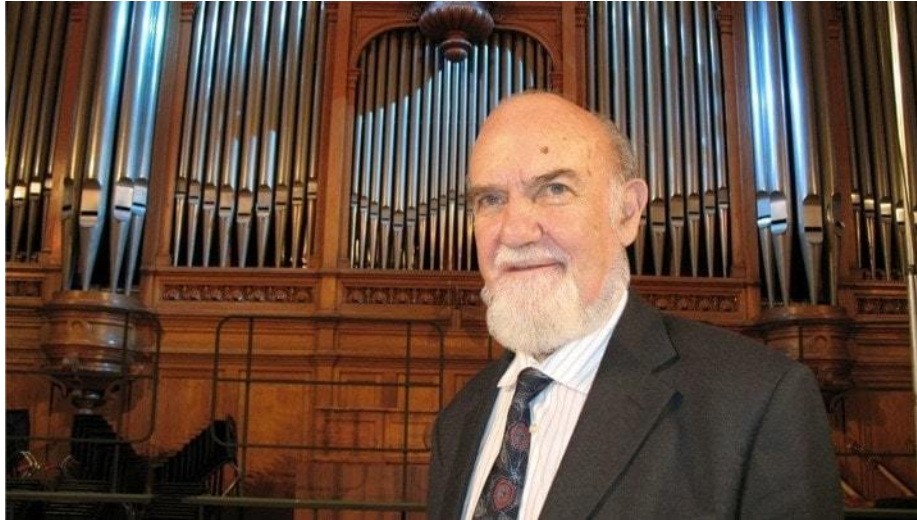

Позвонил некто, он вышел — стоит какой-то старый нищий оборванный, он подумал: «Нищий, подавать надо». Это отец.

Он отца не узнал: оборванный, ужасный, старый человек. Кончился срок — его отпустили. Запретили жить в Москве, и он уехал в Ливны, там у него были корни, Русский Брод — есть такое место. Когда наступали немцы (вскоре началась война), Николай Александрович бежал от них как-то, перемещался и где-то в больнице умер, мать успела еще его увидеть.

Началась война когда, ясно, обычная жизнь детей, матери с тремя детьми — ну, дочери помогали... Я эту часть знаю плохо, немножко знаю. Он был в эвакуации. Дядя Петр не был арестован, а он был принципиальным противником большевиков, он был меньшевиком. Он жил в Средней Азии, удрал отсюда, был главным рентгентехником... забыл, какого города, Ташкента, наверное, а может быть, Самарканда. И неоднократно были указания его арестовать, естественно. А потом выяснялось: если его арестуют, то всё, кончится рентген в городе! И поэтому, я вам точно мотивирую: «Подождем, найдем кого-нибудь — тогда этого арестуем». Так и не нашли. И дядя Петя выжил, Петр Александрович, и держал все это семейство.

Сын Петра Александровича, Игорь Петрович, известен многим, может быть, как режиссер звукозаписи. Пластинки в фирме «Мелодия» — это Игорь Вепринцев. Он самую тонкую скрипичную музыку выпускает, самые лучшие записи музыки, как я думаю, вот это он. Он такой человек неконтактный, ценит очень свое занятие.

Игорь Вепринцев. Источник: classicalmusicnews.ru

В 47-м году, на год позже меня, на биологический факультет поступил, и это потому, что у нас декан Юдинцев мог таких принимать — детей врагов народа, мальчик, с очень таким замечательным лицом, вот я говорю, я могу поэтому представить себе детского мальчика: блондин, с совершенно голубыми, синими глазами и розовым фарфоровым личиком, такой красавчик на самом деле приятный. Девочки старших курсов сразу почувствовали покровительство, стали так слегка щебетать над ним, но он ужасно злился, и это он не выносил, потому что он должен был быть мужественным — и был таким. Эта внешность его раздражала, и он довольно быстро прославился своими нетривиальными поступками.

Он сидел, например, на лекциях по марксизму и демонстративно читал английскую книжку. Кто понимает, что такое в то время читать английскую книжку на лекции по марксизму, понимает, что это повод для комсомольского собрания, где ругают...

” А девочки назвали его Бубби — он от этого просто на стену лез. «Бубби Вепринцев», — говорили они.

Я это помню свысока, потому что я на курс старше, что «опять этот Бубби...» что-то там.

Но он очень прославился через год, зимой. Он поехал на Белое море, на незамерзающие проливы меж островами, где приливное течение и уносит людей, изучил, нашел там, сфотографировал (еще не было звукозаписи, это была мечта): птицы зимуют, масса птиц зимует в этих проливах, о которых не думали, что они там остаются вообще на зиму. Может, кто-нибудь думал, но зоологи толком не знали. Лебеди, всякие крохали, масса уток и прочее. И вот там он среди них провел сколько-то времени, был в упоении, делал доклад у Формозова на семинаре. Это я уже знаю, что Вепринцев, оказывается, великий человек, привез фотографии и рассказывает наблюдения, как они там зимуют — классический кюбзовский зоолог. Я снимал тогда, имел дело, потому что меня увлекала зоология беспозвоночных, жил я на Стромынке — ну, все-таки это заметный человек, такой дружбы особой я бы не мог отметить никак — ну, знали друг друга.

Это было в 50-м году, может, в 49-м, я уже кончал, уже связь с факультетом уменьшалась. На Стромынке пошла легенда, с восхищением, какой Борис Вепринцев. Это надо себе представить.

Зоомузей: из нижнего зала зади идет лестница, поднимается так, чтобы для всех, можно там подняться. На второй площадке маленькая такая комнатка приделана была, в которой было комсомольское бюро, и там всегда толклись люди, что-то печатали, курили, разговаривали, в общем, жизнь такая: кому нечего делать, они там. Всегда была некая фракция людей, которые там всегда были. Один из типов этого вот общества, там же прямо, сказал Борису, что «ты молчи: у тебя отец — враг народа».

” По легенде, последовала замечательная сцена: Борис так хорошо ему съездил по физиономии, так приятно, что он полетел по этой лестнице.

Я не случайно говорил про породу. У меня замкнуло, что отец, что сын — примерно одинаково. И мы обсуждали на Стромынке качество удара, хорошо ли этому типу попало. Но когда я лет тридцать спустя примерно стал Бориса спрашивать подробности, он сказал: «Я не помню этого», — что меня поразило. Но почему он мог мне так сказать? Я думаю, что он мог просто так мне сказать.

Арест и заключение Бориса Вепринцева

Шестого или седьмого июля 51-го года он был арестован. Он был арестован не сразу. Его сначала просили прийти на Лубянку, какие-то документы... потом его отпустили. Он ужасно облегчился. Он пока был не нужен: совершенно хладнокровно, как пауки, притянули, а потом его арестовали, и среди многих обвинений главное было: куда он дел отца — они потеряли след. Они полагали, что подлежащий аресту Петербуржец спрятан семейством, что сын знает, и тогда он утверждал: «Документы найдите, там война прошла». А потом, когда это никак не получалось, ему приписали заговор, с целью террористических актов на партию, правительство и так далее.

Он получил каторгу: естественно, как полагается, все пережил, что только можно, ужасным образом. Каждый раз — ужасно, нам-то это уже кажется однотипным. Вот берут такого мальчика, последоллого-долгого истязания здесь, сажают его в вагон с малолетками так называемыми. Это молодые преступники, уголовники, которые его чуть не убили, — это один из самых страшных моментов был, пока он ехал с ними, там была жуть.

И он попал в лагерь в Караганде³, насколько я понимаю. Там у него была непосильная работа сначала, первые месяцы. Он возил какую-то тачку на четвертый этаж строящегося дома по наклонным заледенелым доскам. И, как там говорили, стал «доходить» — от голода, потрясений и непосильной работы. И умер бы, может быть, что было бы не очень там необычно. Но мать сумела к этому времени какими-то путями передать какую-то большую посылку и пальто. Он это пальто отдал нарядчику. Посылку они разграбили, но нарядчик (или бригадир, некто, кто имел власть) за полученное пальто отправил его в госпиталь. И он в госпитале пришел в себя. Совсем уже ему было плохо и вот. По-моему, он еще пытался уклониться от этапа, его там сапогами поднимали с постели: «вставай, ты уже здоров!», — били и погнали по этапу. Как-то это было, я бы сказал, в обычной решительной манере. Все это длилось четыре года. Это 51-й год, июль, 52-й год — ужасный, 53-й июль — уже умер Сталин, уже нет Сталина к этому времени. Но такое облегчение особенное — это иллюзия.

³ Борис Вепринцев отбывал срок в Камышлагае (Кемеровская область), позднее — в лагерях под Омском.

Там же с ним рядом был Лев Вознесенский, политический обозреватель известный, он сын Николая Александровича Вознесенского⁴, который член Политбюро⁵. Второе или третье лицо в стране после Сталина. Бывший председатель Госплана, член Политбюро, который написал книгу «Экономическая политика СССР в период Отечественной войны»⁶. Ему дали Сталинскую премию первой степени — и тут же расстрельную, потому что Сталин испугался.

⁴ Имеется в виду Николай Алексеевич Вознесенский.

⁵ Лев Вознесенский — сын экономиста Александра Вознесенского, член Политбюро ЦК Николай Вознесенский приходился ему дядей.

⁶ Книга называется «Военная экономика СССР в период Отечественной войны».

Причем отнюдь не сплошь розовые краски, но человек, в общем, выдающихся достоинств: вся экономика была в его руках всю войну. Расстрелян был Вознесенский, а дети, Лев, был там⁷. И еще один знакомый вам человек — это был Лев Николаевич Гумилев. Вот такое вот общество было.

⁷ Хотя Шноль ошибочно называет Льва сыном, а не племянником Николая Вознесенского, Лев действительно попал в лагерь как член семьи врагов народа — помимо его дяди и тети, по этому же делу был расстрелян его отец Александр.

Причем Гумилев и Казанин резко разошлись в своих концепциях, в том числе и в исторических: Казанин мог с ним спорить спокойно и не принимал концепцию Гумилева. И каждый из них стремился оказать особое влияние на этого мальчика. И у них возник замечательный спор и ссора, что «ты портишь» и «ты портишь», и они между собой собачились, кто и как будет влиять на... Как они на него влияли, непонятно.

Но теперь я вам должен другого человека ввести — это Леонид Викторович Крушинский. Производит впечатление? Это очень мне важно, потому что это необходимо, чтобы впечатление производило. Леонид Викторович принадлежит к школе Кольцова, опять все туда.

Леонид Крушинский. Источник: letopis.msu.ru

Он был на кафедре динамики развития профессором у Завадовского. Но он, кроме того, работал с Павловым Иваном Петровичем, и он был крупнейшим специалистом по психологии поведения животных. Но он не соглашался с Павловым: полагал, что животные имеют сильно рассудочную деятельность, и поэтому ему в дальнейшем было очень трудно.

Он знаменит тем, что он провел опыты, которые называются «экстраполяционный рефлекс». Это значит: показывают животному: «Вот место», — потом миска — вот, а потом — ширма. И оно забегает заранее, ждет, где будет, оно вычисляет, что будет потом, делает из двух движений — три. Причем он исследовал большое число разных видов, у кого сильнее экстраполяционный рефлекс. Ну например ворона с одного раза понимает: она оттуда забегает и ждет там миску. Куры с семи раз. Это не значит глупость или умность, но он на этом делал количественную меру способности. Ясно, что этого направления в период павловской сессии⁸ вообще не могло быть. Но это уже все будет после.

⁸ Павловская сессия — государственная кампания по борьбе с влиянием Запада на советскую физиологию и психиатрию в начале 1950-х годов. Результатом кампании стала изоляция советской физиологии от международного научного сообщества, замедление развития советской науки — генетики, физиологии, психологии и психиатрии.

А он, кроме всего, был крупнейшим специалистом по собакам, по собаководству, военному в том числе, и по голубям, — это его и кормило. И Леонид Викторович — а студенты-то не знают, как на них смотрит преподаватель, — сразу приметил этого студента и умилился. И за ним следил и на докладах его был.

Когда Бориса арестовали, он был совершенно потрясен.

Где и как он успел более близко это — непонятно. До ареста Вепринцев, в силу живости характера и многих других обстоятельств, не очень даже понятных путей неисповедимых, жил в квартире у Северцовых: вдова Северцова и семейство Габричевских, если я правильно помню. И там же был Нейгауз, друг дома, и там же, под роялью, спал молодой Рихтер, переутомившись от своих упражнений, в этом же доме, и где-то там вращался Борис... Еще были какие-то девочки-красавицы, которые ему нравились, и он там стремился бывать. Это такое обстоятельство милое, но вне моего изложения. Сколько он успел урвать себе — непонятно, у него такая <нрзб> колоссальная была — настолько, что потом, когда его на Лубянке держали, он из библиотеки лубянской столько вынес сведений по литературе, что всегда меня поражало: сколько же можно знать такого! Все читал с жадностью и впитывал. Это гены.

Так вот, каторга для него в некоторой степени была облегчена Крушинским. Крушинский совершенно бесстрашно (а это слово стоит иметь в виду) посылал ему посылки и письма, он, чужой ему человек, профессор университета, не мог вынести, что студент Борис Вепринцев где-то там. И часть посылок и писем доходило, более того, он послал ему две книжки (послал, может быть, больше — дошли две): одна книжка — учебник эмбриологии переводной, а другая книжка на английском языке, что совсем непонятно как, выдающегося математика и биофизика Лотки, основы математической биологии. Эти книги Борис сумел каким-то образом по кускам сохранять и всегда их читал.

Кроме того, он изучал английский язык с Казаниным и слушал истории Гумилева — и поэтому все не доходило.

При этом он жил в обществе уголовников.

Глеб Максимилианович Кржижановский, по понятным обстоятельствам потрясенный всем этим, но молчавший совершенно, пока не умер Сталин — поскольку вообще непонятно, как он сам выжил, их очень мало таких осталось — бросился во все инстанции. Входы-то у него были, сразу после смерти Сталина его акции очень повысились: Кржижановский оказался классиком революции, другом Ленина и так далее. И уже в 54-м году Вепринцева вызвали в Москву по этапу на переследствие. Он восхищался, говорил: «Представляете, такая была камера с паркетным полом, библиотека — и лежать можно днем». А то ведь не давали сесть даже, кричали, чуть ли не били, а так он пожил, но он не знал, ему никто не говорил, для чего и как, он ждал всего, но тем не менее он наслаждался жизнью после лагерных ужасов всяких.

«Я все время думал о записи голосов птиц»

Его выпустили. Выпустили его, в чем был — в стеганке, с изможденным, красным, измученным таким лицом странным очень. Я когда его увидел — наверное, в 55-м году, не сразу — я был поражен: из того блондина с гладким лицом получился издерганным мужик — слово очень подходит, истощенный, издерганный, нервный, совершенно ужасное лицо, и глаза почти те же, но со слезой. Это меня поразило лицо просто, поразило цветом, поразило настроенностью. Он говорил со мною (я к нему радостно кинулся), он говорил с подозрительностью, это такой уж переход, который невозможно было даже себе представить. Я потом к нему привык, но такое лицо у него сохранилось до смерти, не совсем, конечно, немного смягчилось, но вот этот анализ: а так ли на самом деле ты, как ты про себя сейчас говоришь, а можно ли тебе верить? Нет, на всякий случай нет. Это осталось. На всякий случай нет — у него было всегда с тех пор, как он вернулся. Я вот романтическую эту часть представляю так — Лермонтова могу процитировать: «Отворите мне...»

Он так и говорил: «Я все время думал о записи голосов птиц», — потому что узнику видится лес и пенье птиц.

Он был в совершеннейшем доминантном напряжении.

Что нужно было делать? Нужно восстановиться в университете. И он пошел — вот так же недоверчиво, издерганный и готовый к реакциям, на биофак. Уже было новое здание. Он пошел на кафедру позвоночных животных, где был главой кафедры Николай Павлович Наумов, он же был деканом. И Николай Павлович, не понимая, как и что, сделал ужасный шаг, он спросил: «А у вас уже документы все в порядке?» Борис выдал такую реакцию сразу: встал, ушел, и ноги его там больше не было. Но он попал, тут же как-то это сумели сделать — Леонид Викторович, конечно, через Леонида Викторовича Крушинского — на только что созданную кафедру биофизики, где его тезка, Борис Николаевич Тарусов, совсем другого склада человек. «Да ну что ты! Немедленно зачисляем, мгновенно!» И он оказался на кафедре биофизики, к чему он был склонен, но он был бы зоологом, конечно.

На кафедре биофизики в это время главным направлением была радиобиология. Но общие проблемы биологии — это механизм генерации нервных импульсов, это такое крайне актуальное тогда дело: как именно электрическая активность получается из биохимических процессов клеток. И тут очень важно, что его первые же товарищи 47-го года приема, в частности Левон (Лева) Чайлахян, Сергей Ковалев и Юра Аршавский, продержались (и это удивительно!), получили вот тогда глотки этой свободы. Они были единственные — более всего Чайлахян — которые занимались мембранной биофизикой, вопреки всем санкционно-белковым идеям: их могли поносить, рвать, они все равно... Они спасли нас, на самом деле. И Борис попал к ним.

Естественно, с его на самом деле не истребленным революционным подходом он пошел в мембранную биофизику. Он попал в рубинштейновскую биофизику при том, что Тарусов был совершенно против, считал, что это лженаука, более того, просил никого даже не говорить, не заниматься, чтобы ему не попало от высокого начальства, от партийных инстанций.

Н. Д.: И при этом он взял человека...

С. Ш.: Человеческие качества взял, а науку — нет, не надо. Тут еще вот что: тогда раскаянье общее все-таки было, и когда освобождались, стремились как-то это сделать. И потом я жизненного опыта Тарусова не знаю. Наверное, у него был всякий опыт в жизни. Но он приспособивался, он был покладистый, он не лез.

Повезло Борису. Он попал в общество старых друзей, в том числе того КЮБЗовского Куреллы, который был на кафедре главный специалист по микроэлектродным методам, вытягивающим тончайшие капилляры, которые надо вонзить в клетку, и капилляры наполнить проводящей жидкостью и из клетки отводить электрический потенциал. Все учили Борису, а он учился активно очень. Это одна линия жизни. Она замечательна тем, что это была одна из первых работ в стране, вслед за Чайлахяном, по мембранной биофизике.

Но тогда получили или должны были получить Нобелевскую премию два великих англичанина Ходжкин и Хаксли — как раз за выяснение механизма генерации нервных импульсов, они работали, и хорошо, на кальмарах. У кальмаров толстые нервы, гигантские аксоны, толстые — значит, миллиметры, то есть туда можно вонзиться как угодно и все отводить. У нас не водятся кальмары по многим обстоятельствам: во-первых, наши моря холодные, во-вторых, морей в Подмоскovie нет, ничего нет. Кто и как (я спросил Чайлахяна позавчера, чтобы он мне дал точную историю) догадался, что зато у нас имеются огромные земляные дождевые черви. Никто не знает, что есть черви вот таких размеров — 25–30 сантиметров. Это черви

совсем особые, это не те, которые отвратительные, вылезают на асфальт после дождя.

Григор Курелла. Источник: vov.bio.msu.ru

Они в теплую июньскую ночь выползают посмотреть, что делается на земной поверхности, около часа ночи, в полночь они выползают.

Это знают только настоящие зоологи.

. Надо взять фонарь и походить в июньскую ночь в траве поискать на лугу. Совсем удивительная жизнь, там жизнь кипит. Вы увидите похожих на змей, небольшие змеи, которые там ползают. У этих гигантов большие белые цепочки, и там, конечно, не кальмары, но, в общем-то, можно вколоться микроэлектродами.

Борис на этих червях работал. Он делал диссертацию, но у него была линия раздвоена сразу. Он хотел записывать голоса птиц, а должен был делать эту работу. Что делал Вепринцев? Он бросился сначала делать магнитофон: нет магнитофона — он начал делать его сам. У него всегда была наивная мысль: он все может делать сам. Он очень бесстрашный, но довольно неумелый в руках... У него все получается, он понимает, но он спешит. Нет, все может, даже автомобиль может починить, но сначала сколько-то гаек растеряет, потом все это... ну, нервы.

Он сделал себе магнитофон дома, сам, добывая где попало детали, который весил немного больше двух пудов. Помните МАГ-59? У него был тяжелее. Он у него дома работал на батареех, тогда он <нрзб> батареи, навалил на себя рюкзак и поехал в лес записывать голоса птиц. Но то, что у него получалось дома, там у него были наводки, завывания, и все равно он что-то записал, но плохо, было несовершенно очень. И все-таки то, что он записал, он доложил на орнитологическом обществе.

Это вызвало такой восторг, он так был удивлен: он-то на самом деле был крайне недоволен своими результатами.

Я не помню его удовольствие, это всегда нервное отвращение к тому, что вышло, при самых высоких качествах работы.

То есть я бы вскрикнул: «Замечательно!» Нет, это не годится. Вообще очень профессиональное такое качество.

Он записал простые голоса простых птиц, взывал восторг в орнитологическом обществе. И был там поэт Павел Барто (он про птичек стихи писал, любитель птиц), который пришел в такой энтузиазм, что, пользуясь своими знакомствами на фирме «Мелодия», прожег их совершенно, что нужно делать такие пластинки, и нашел Вепринцева. Борис совершенно отчаялся. И вот надо вспомнить директора Дома студентов тех лет, 58-й — 59-й год, потому что директор Дома студентов Московского университета дал Вепринцеву профессиональный магнитофон «Репортер». Вроде бы это был такой одорукий экономист нашего времени, который стал вроде бы директором Дома студентов. Мне очень важно, потому что этого человека я не могу

найти. Он пытался на фирме «Мелодия» — ему нигде ничего не давали, кто же доверит такую дорогую вещь. А этот ему все дал. И я считаю, что это благороднейший поступок, такой человеческий шаг.

Он поехал с этим прибором в Звенигород, и сделал такие записи, равных которым нет — по лиричности, по комбинации, по всему антуражу — там не математическая запись, а пение птиц. И выпустили при энтузиазме и фирмы «Мелодия», и Павла Барто, и редактора первую пластинку, называется «Голоса птиц в природе». К этой пластинке сам Борис сделал восхитительное, на мой взгляд, краткое, лаконичное введение. Это введение прочел диктор Центрального радио Герцик: прекрасной культуры речи, и текст мне очень нравится.

Я, слушая это введение, думаю, какие таланты! Такой нервный псих, как он хорошо это написал!

И там о каждой птице несколько слов, и это совершенно потрясающее достижение.

Я купил эту пластинку первый из моих знакомых, пошел разыскивать Вепринцева на биофак и стал ему выражать чувства. А так как он был каторжник, он на меня смотрел с недоверием, не понимал, к чему я это все говорю. Он понял, что я расхваливаю его излишне экзальтированно, наверное, потому что я совсем не ценю его работы в области биофизики — истинно профессиональные, а вот это побочное... и очень был мной недоволен и ушел, пыхтя, и чуть ли мы с ним не разошлись. Я понимал его отчасти, поэтому ему не удалось. Он так со всеми, общение с ним было очень трудно.

Три пластинки «Голоса птиц в природе» были выпущены фирмой «Мелодия» и удивительным образом оказались за границей тоже. И уж там-то они вызвали чрезвычайное волнение. По рассказам, Хрущев, приехав в Соединенные Штаты на Ассамблею генеральную, услышал родимые звуки и растаял Никита Сергеевич и сказал: «Вот это да!» И этого хватило, чтобы совершенно обеспечить успех этому делу.

«Голоса птиц» — три пластинки, потом еще другие — увы, без текста. Это было издано всегда с текстом, нужно объяснять, кто что как поет, а просто уже для зоологов, попались, в том числе и Пескову. Василий Михайлович очень умилился и стал разыскивать, не сразу, правда, а потом, с какой-то паузой, Вепринцева. Песков мне говорит: он не помнит случая, когда он кого-нибудь очень хочет найти, чтобы тот не считал бы для себя лестным и не откликнулся. Но когда он Бориса разыскал, тот сказал, он не хочет с ним иметь дело, ему некогда и вообще нечего: подумаешь, какой-то Песков. Он не совсем грубо сказал, но примерно так. Тогда это заело Василия Пескова, и он: «Вот еще, чего это он не хочет со мной говорить?» Он его разыскал, и они стали близкими друзьями. А Песков понимающий человек в людях, он Вепринцева неоднократно фотографировал, всячески снимал, так что материал такой есть у Пескова самый лучший. И прославлял, что есть мочи — и всегда Борис пыхтел в ответ.

Это стиль просто такой, это стиль послекаторжний.

Зоологическая линия не вытеснила вот эту многомерность. И гены отцовские, то есть гены организации, и нервности, и кидание на всё — они были, и эти гены привели его в Пушкино.

Я расскажу историю, которую я не вполне еще изучил. История вот такая. Мембраны под запретом, жизненный способ существования белковых тел, мембрана — это перепонки, наша наука отстает со страшной силой. Биофак полон ничтожеств. Институты полны мракобесия. И ничего нельзя делать, все погребло, цивилизации, с которой начал, нет: они умерли, и остались те, кто не входили в эту цивилизацию. А молодые эти есть.

И вот Чайлахян и другие люди, молодые совсем еще, организуют конференцию по биопотенциалу, не говоря, что это мембранная конференция, ни в коем случае. И узнают, что в этот момент в Москве находится нобелевский лауреат по мембранам, англичанин Катц — и они его притащили в университет, чтобы он им сделал доклад, лекцию прочел. Ну что тут делать? Нобелевский лауреат когда приезжает, не принять его нельзя, но начальство в смущении. И Борис Николаевич Тарусов просит Вепринцева переводить — он, оказывается, специалист в английском языке. Он и сам о себе этого толком не знал. Он, оказывается, слышит язык, говорил он, по-моему, с плохим очень произношением (я совсем ни с каким, но я понимаю, когда слышу). Он совершенно не боялся, он шпарил на немецком и английском как хотел. Его понимали, потому что вот тут у него было полное осознание своего значения. И так поймут! И переводить мог, слышал. И он в Большой биологической аудитории переводил Катца.

Собралась вся академическая Москва, естественно. Вот представьте себе такую сцену, которую я только воображаю, потому что я сам не был. Стоит светское общество. Стоит разгоряченный краснолицый Борис, вокруг него собрались: Борис Николаевич Тарусов, Лев Петрович Каюшин, главный заместитель Института биофизики, и Тарусов говорит в светской беседе: «Смотрите-ка, Борис какой смелый. Всю эту реакционную чертовщину переводит, ничего, не боится». И вот каторжник потерял тут рассудок. Он вообще не выносил плотного общества вокруг себя, когда они так стояли, он потом мне говорил: «Я все забыл, как в разговоре с уголовниками, которые сейчас тебя зарежут».

Он вдруг дико заорал: «Ах, ты сволочь! — это точные слова, — Ты же сам меня заставил!», — совершенно потеряв облик.

Тарусов ужасно испугался, всё — Борис кончился, у него начался спазм, он не мог, а ему идти переводить. И никто не знает, что с ним делать. «Я с тобой дела больше не хочу иметь!» — примерно так. Какие-то дикие, несвязные, ужасные крики.

Тут Лев Петрович Каюшин — во многих отношениях человек весьма не положительный, а тут вот ну просто молодец —

схватил Бориса, он такой плотный, большой дядя, увел его, отпоил водой и сказал: «Слушай, а ты не имей с ними дела, а ты уходи от них, идем к нам в институт, у тебя сразу будет лаборатория», — как ребенка, это совершенно детское... он перевел разговор на другие темы. Борис немножко отдышался. Как он перевел Катца, я не знаю, но перевел. И ноги больше его не было... Он не мог. Он собрал свои вещи и оказался в Институте биофизики. Это был 61-й год. Я хочу заметить для тех, кто в эту науку вхож, что в 61-м году мы еще не смели говорить о современной биофизике, а не только о генетике — и о генетике, естественно, тоже, до 64-го.

Биофизика и орнитология

Борис организовал собственную лабораторию, как Каюшин и обещал, биофизики нервной клетки. Я бы к этому добавлял и всегда добавляю, слово «очень», потому что такому психу иметь лабораторию... но проявил при этом бездну качеств.

Вместе с известным физиологом Дмитрием Антоновичем Сахаровым, известным вам, наверное, как Дмитрий Сухарев (ну конечно, Митька Сахаров), поэтом и нашим ровесником они поехали на Дальний Восток и привезли оттуда замечательные открытия. Есть такие моллюски — голожаберные, без всяких панцирей, без всего, очень красивые, среди них морской ангел замечательный. У голожаберных моллюсков нервные центры, клетки, откуда отходят аксоны, гигантские-гигантские. Там нервную клетку видно глазом, она большая, гигантские нейроны, нервные клетки, голожаберных моллюсков оказались потрясающей моделью для изучения работы клетки. Это такой голожаберный моллюск тритония, там, на дальневосточном теплом океане. Весь мир работает на голожаберных моллюсках, на других, на <нрзб>. Прославили все-все, и все забыли, откуда это взялось. И кто-то когда-то, не сам Борис, потом установили их паритет.

Вернувшись, в средние края — вы здесь не найдете голожаберных моллюсков по по таким же причинам, почему нет кальмаров, но есть пресноводные моллюски, и я хочу это узнать, я это для записи хочу отметить, здесь нужна точность. Неужели это сам Борис догадался, что среди обычных прудовиков и катушек наших — что у них тоже гигантские, что не нужно туда ездить? И так оно оказалось. И они с тех пор многие десятилетия работали, вылавливая прудовиков и катушек, на их гигантских ганглиях, где скопления, причем клетки такие огромные, что их вы можете себе пометить, вы знаете их в лицо, по форме, это мозг растений, у нас мозг большой, а там отдел мозга — это одна клетка, где сотни могут быть отростков, в них можно много электродов, можно делать много отведений, можно столько узнать по электрическим сигналам, по гигантской нервной клетке... Это новое направление совсем!

Направление начинается методом, объектом.

Мало этого: чтобы вколоться в клетку, нужно иметь машинку для изготовления электродов, чтобы разрезать клетку, вынуть ядро, нужны микроманипуляторы — они были, но плохие, чтобы делать отведения, нужны целые системы усилителей очень сложных, которых нет. И Вепринцев затевает совершенно невероятную вещь: он идет в СКБ геологического приборостроения и убеждает их заняться разработкой комплекта приборов. Находит там сторонников — Хохлова Анатолия Матвеевича и других, собирает свою команду, а он завлабораторией, лидер. И они затевают работу, которую все считали невероятной. В Советском Союзе сделать комплект приборов на уровне мировых — сделали и даже вот он получил награду: он получил Государственную премию в 82-м году за комплект приборов. СКБ выпускала их и продавала, просто если бы другая жизнь в стране, мы бы и тут были бы вполне хороши.

Таким образом, найден объект, сделаны приборы и создана команда людей, которые все умеют. Работать с ним было тяжело. Он дерганый и все такое — это верно, но он был беззлобен и поэтому, если вы только понимаете, что он беззлобен, то на него обижаться смешно просто. Но это очень трудно, каждому надо объяснять, и очень много острых ситуаций внутри лаборатории было. Я иногда пытался <нрзб>, но это мало помогает. Когда у людей заскок такой, то потом найти выход трудно. Хотя я понимаю, я хорошо с Вепринцевым, на равных, я могу ему все сказать, а он на них кидается. Почему? К нему идеи приходят, он их все время дергает.

Тем не менее он родоначальник массы направлений разных. Я пока о биофизике только говорю, птиц я сейчас оставляю. Он ввел у нас отчасти западный стиль: он задумывал какую-нибудь совершенно фантастическую мысль, собирал всех, со всей страны, со всего Союза, ставил магнитофон, кофе или чай — и, пожалуйста, говорите, что хотите, все записывается. Он составлял двадцать-тридцать-сорок-пятьдесят вопросов, каждому давал и: «Вот, ответьте на это, кто что скажет». КПД? Ну один всего вопрос пойдет — а иногда и не один. Так он создал направление, которое казалось совершенно невероятным.

Я ведь сейчас рассказываю не вполне профессионально, но если для записи все-таки: из изучения рецепторов, тех, которые воспринимают нейромедиаторы. направление? <нрзб> зародились фармакологи ленинградские и советские, в смысле московские, и химики... Там было совещание по совершенно фантастической теме: культура нейрона *in vitro*, то есть вынуть нервную клетку, чтобы она жила вне организма. Невероятно? Сделано! Она растет на стекле, живет ганглий долго, неделями, более того, ветвится и образует контакт с другим ганглием, получается нервный цикл. Нейрон *in vitro* — программа, которая нелепая по невозможности, налаживается, и защищены докторские диссертации, и всегда имя Вепринцева остается в стороне, потому что это и так ясно.

Это одна из моих многолетних задач было: «Постойте-ка, это же все-таки Борис сделал!» — «Но ведь он сам это не делал». — «Но ведь он вам все сказал: делайте вот это» — «Но я сколько там работала» — «Очень много, молодец, получила докторскую степень — скажи спасибо. Но ведь это же идея, вымученная...» Это общий низкий уровень культуры, конечно. В силу нервности и особого отношения к жизни. Это вот зоологи не все так, это с некоторого возраста бывает. Пока они охотники, у них этого нет, они могут выстроить клеточки, чтобы узнать, что в желудке у пеночки, ее убить, а потом вскрыть и сказать, что вот задача этой дипломной работы: пятьдесят соловьев настрелять и посмотреть статистику жуков таких-то и таких. Или куликов — неважно. Ни одного он убить не мог. Это бывает с возрастом, а может быть, никогда не бывает. Некоторые сохраняют мужественность убийственную, так сказать, до конца. Вепринцев никогда никого, даже оружия <нрзб> Кошмар! Кормить рыбой, которая была убита при нем, карп какой-нибудь, — кончилось дело скандалом, криком.

Борис Вепринцев. Источник: rbcu.ru

Он был совершенно потрясен гибелью окружающего мира. Просто сообщение о том, что какого-то вида нет — это слеза, это не что-нибудь, а реакция большого дяди, который не может этого вынести. И он нервничал и решил, что нужно <нрзб>. Одно дело, большие заповедники, а другое дело сохранять клетки в замороженном состоянии. В 76-м, может быть, году на Международном конгрессе, который, по счастью, был у нас в Ташкенте, а не где-нибудь (Вепринцева, как понятно, не выпускали), он вместе с Натальей Николаевной Ротт выступил с докладом о программе консервирования в замороженном состоянии генетических материалов, клеток, зигот, гамет и просто соматических клеток для сохранения и последующего оживления. Одно дело оживить, а что будет? Колоссальная программа исследований. Удивительным образом приняли эту программу как международную программу, и Вепринцева избрали председателем международной комиссии: он на три года избирался, его четырежды переизбирали, и он ни разу не председательствовал, поскольку его не выпускали за границу. Но всегда чопорные иностранцы, они понимали, собирались, говорили: наш председатель не может быть (по разным причинам), и колоссальную развернули во всем мире работу.

Достижения здесь колоссальные действительно, то есть сейчас можно взять какую-нибудь оплодотворенную яйцеклетку, оттаять ее, и она сохранится, ввести ее в матку какой-нибудь там, крысехи совсем другой — и она родит крысенка, который за сто лет до этого был где-то там. Более того, мышь родит крысу, а крыса — мышь, там несовместимости такие преодолены, это все колоссальные исследования. Кроме того, можно и с соматическими клетками в принципе: взять кусочек кожи мамонта и оживить мамонта. Это абсолютная пока новость, совершенно невозможная еще, но не совсем, немножко-немножко — но вероятность тут есть.

Увлеченный этим делом, он стал мучить своих <нрзб>, они занимаются нейронами, нервными клетками, а он теперь все знает, с жидким азотом, <нрзб> кислотой, совсем новая техника. И стал новых людей привлекать, лаборатория раскололась — и враждебно раскололась. Они не хотели, а он хотел. Он создал новую лабораторию — криогенного консервирования биологических материалов.

Неправильно говорить, что его сразу не пускали за границу. Его один раз пустили. Но тут случилось вот что. Два сотрудника нашего института, Дионисев(?) и Абакумов — это был период увлечения песнями Кима — с магнитофонными записями поехали в экспедицию или в поход, и там пели и окружающим людям давали слушать свои песни. Они по сибирским рекам — и они не понимали, где они едут, а там столько бдительных людей, такой хвост госбезопасности, так что это вражеская пропаганда... и Дионисева(?) и Абакумова изгоняли, собирала Госбезопасность собрание. Помню преследования, обстановка. Я тогда был осторожен, надо сказать, я в их защиту не выступил, мне хвалиться нечем, я думал: «Ну что теперь? Дураки, чего они лезли?» А Вепринцев подал телеграмму Косыгину: возвращаются репрессии, чего-то еще — такую нервную большую-большую телеграмму. Эта телеграмма определила к нему отношение, и он полностью закрыл себе. Это еще было задолго до Международной комиссии по консервированию генома. Он очень нервничал, дергался, Андропову писал письма и телеграммы. Ему оттуда приходили сообщения, что «никаких претензий у нас к вам нет».

Он очень потребовался в Англии. В Англии он прослыл как человек крайне популярный по причине очень любопытной. Англия — страна орнитологов. В этой маленькой зеленой стране птиц очень много, их любят и очень знают. Это такой почти традиционный вид знания, и более всего знают высшие аристократические круги, в том числе семейство королевы, герцогов великих и прочих. Они знают птиц. И это было дело вот как. Приехал в 63-м, наверное, году в Советский Союз редактор по биологическим направлениям радио BBC. Он, как рассказывал Вепринцев, в такое впал чувство к нему, что скопировал записи и пустил их по BBC, и вся Англия сразу узнала про Вепринцева. Он вообще его поклонник, он такой некролог написал замечательный, и вот эта вот англо-пуштинская связь, безусловно, Вепринцеву принадлежит.

Пластинка с записью голосов птиц, 1966. Источник: albumoftheyear.org

Президент королевского общества, нобелевский лауреат, сэр Хаксли, просто его личный друг, они списались, они дружили, хотя увиделись только перед смертью Бориса.

Я хочу чуть рассказать вбок историю. Я в некотором смысле тоже зоолог, отчасти зоолог. Какой части? Я птиц знаю и люблю. Ну как знаю? Некоторые <нрзб>, поскольку я искал гельминтов, но меня крайне занимал род овсянок. Овсянки очень однотипны, а причины дивергенции, что они делают, как они эволюционируют, это очень любопытно. Совершенно необъяснимо почему. А все-таки я их люблю, овсянок, как и полагается — необъяснимо.

У Бориса записи всех овсянок: не было ни одной вообще на земле существующих. У него стиль такой энциклопедический: полно, монографично — всё о... Получает письмо из Англии: какое-то обращение, «Вот такая вещь. Есть эндемичная овсянка, которая водится только у вас, в Якутии, один раз была описана — желтобровая овсянка. Все овсянки у нас есть, у нас нет желтобровой, у вас тоже ее нет. А она была в тридцать каком-то году описана на речке Мыла, приток Лены, около Якутска». Вот я был в этой экспедиции. Я был несколько раз в экспедициях в качестве фотографа, ну и на все остальные случаи жизни, носить, варить я гожусь, потому что я экспедиционный и могу смело сказать: и характер у меня покладистый.

Поехали в Якутию сложным очень маршрутом, потом на Таймыр, но сначала в Якутию. Поехали в Якутск, там в институте, филиале Академии наук, уже было всё... Поехали мы не сами. Мы сами не годились. Вепринцев по числу экспедиций больше Пржевальского — по геометрии, по географии, если нарисовать на карте. И это же надо было пробить.

” Это надо было быть психом, чтобы пробить — в слезах, чтобы давали деньги!

Нужно быть психом совершенным, чтобы сделать новое учреждение. Он сделал учреждение, которое называется Фонотекой голосов диких животных при Академии наук СССР, в Пушино, учреждение сделал, это все параллельно делалось, это непостижимо, на самом деле. Это всякий раз кипеть и истощаться.

От Фонотеки экспедиции: главное лицо дальше выступает последних десяти лет — Владимир Владимирович Леонович. Владимир Владимирович Леонович — это тоже род Трубецких и прочих, его знают, ему около семидесяти сейчас. Это очень интересно. Орнитолог с детства, зоолог и биолог с детства, семья вся такая. Как получилось, что орнитолог и зоолог, профессионал высокого качества совершенно, пошел не на биологический, а где-то на исторический? Он кончил искусствоведческое отделение исторического факультета, потому что такое получилось воспитание, не одностороннее. Он все годы работал главным ученым секретарем в Музее изящных изобразительных искусств⁹. Вы приходили в Музей и видели такого большого представительного человека, седого, который там занимается всякими вопросами изящных изобразительных искусств.

А как только вот-вот тает, как гусь, начинает делать движения, бежать по лужам и уже готов — всё-всё, он больше не может. В чем дело?

⁹ Имеется в виду Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Он не просто орнитолог: он страстный коллекционер птичьих гнезд и яиц. У него самая большая коллекция на Земле.

Для иностранцев это сейчас очень плохо: значит, он выдувал их и сохранял. Ну он без этого же не мог, это нужно. Это такая зверская вещь: взять кладку, и гнездо, и все вокруг, всю обстановку, как она живет, как что. В таком страстном качестве он весны и проводит, вылетает на добычу.

Но он птиц знает... Нет такого человека, который может птиц так по голосам знать, мне не доводилось, потому что знать по пению птиц — это пожалуйста, но по писку, по небольшому совершенно кусочку звука сказать, кто это, может только Владимир Владимирович. И вот сцены, которые я наблюдал, оставили мне самое сильное первое впечатление. Холодный ветер, холодный туман низко-низко, изморось. Это Чукотка. Капли оседают, сидишь, выйти нельзя, а в тумане сверху летят какие-то птицы. И вот такой звук: «ик». «О, — говорит Владимир Владимирович, — камнешарка прилетела! Как мило». Я на него смотрю подозрительно. Через некоторое время такое: «пи-и-и». «Ой, — говорит, — и тулеса уже тут! Борис Николаевич, у нас с вами завтра будет работа». И в самом деле, этого достаточно. Это совершенно уникальные качества.

Так вот. Поехать нужно записать голос овсянки, которую никто не видел пятьдесят лет и которой никто не слышал из нас. Наняли микроавтобус, нужно из Якутска выехать, доехать до переправы через ручей — там огромная река, бешеное течение. <нрзб> Вверх по течению сколько-то километров туда причалит. И вот этот автобус, затертый в грузовиках, наконец, ужасными трудами, волнениями, криками — нас не пускают грузовики — на пароме. Потом мы оказались в прекрасной жизни Якутии, когда весна, это уже июнь, на самом деле. Там дерево, которое является символом страны.

Знаете, какое дерево — символ страны России? Лиственница. Лиственница — символ страны, ну конечно: самая большая поверхность Земли занята лиственницей у нас, нигде больше, поэтому лиственница — символ страны Россия. А березы есть в Канаде столько же, даже больше, а лиственниц таких нет. Вся семья лиственничная мало заходит на запад, но север Сибири и Дальний Восток...

Так вот, в Якутии лиственница особая, даурская: у нее красно-коричневые стволы, это замечательное дерево. Оно достойно восхищения по запаху, мягкости, приятности. <нрзб> Копнуть нельзя — там лед, вот огромные стволы. Сосна уже не может это вынести. Километров пятьдесят или шестьдесят нужно проехать, речка Мыла, она на карте есть, течет по мерзлоте, там, где она — белый лед, материковый. Лиственничный лес, солнце освещает, как ни странно. И ночь так проходит. И мы не знаем: мы туда приехали, на речку Мыла — что дальше? Я с фотоаппаратом: мне надо снять овсянку, если она появится. Наверху, в вершинах лиственницы, поют редкие птицы: синехвостки — маленькие птички, голубенькие, у которых перышки, в тайге чтобы пролетать, рассеченные, как пух. Хор синехвосток я нигде больше не слышал. Я одну слышал, две, а чтоб пели вместе...

Я заслушался — и тут метрах двести внизу, на речке, что-то пискнуло. Вот когда там, внизу, что-то пискнуло, я не придал этому значение. Но тут Леонович огромными прыжками такими медленными, сделав мне страшно, чтобы я только не подходил, а Борис с магнитофоном. И они туда побежали. А я не побежал — не могу себе этого простить, а, может быть, это спасло все дело. Они побежали к самой речке. На кусте сидела желтоголовая овсянка, спела им в магнитофон несколько раз и улетела. Это совершенно невероятное событие.

Желтобровая овсянка. Источник: ru.wikipedia.org

Как он сразу понял, что это овсянка? Ну вообще овсянок можно понять, что это овсянки, но надо было услышать эту овсянку. И она должна была сидеть перед ними и спеть качественно в микрофон. И больше этих овсянок не было там. Это было такое потрясение сильное. Вот я видел Вепринцева, который истощен от потрясения, от счастья. Нет у него сил больше. Он много копий сделал. Фотографий нету. Она нарисована была художником, я ее когда-то видел. Убита была, с нее рисунок. Зоологи же сначала стреляют, а потом разговаривают, потом выясняют. Это нормально для них. У них нет ничего для этого, никаких чувств: выстрел, взяли. А ее надо описать, измерить все щитки на лапах, когти, перышки перемерить. Без этого нельзя делать описание в определителе. Но тут Леонович был и всегда оставался на высочайшем уровне.

Грандиозная создана фонотека. И Вепринцев действительно дополнительно к той главной своей работе.

Он все время боялся, что ему скажут, что это не биофизика.

И задумал он сделать определитель всех птиц страны как минимум по голосам. Это очень важно, потому что некоторых по виду не отличишь: все пеночки неотличимы, а голоса совершенно разные, совсем разное пение. Чтобы сделать всех птиц, нужно большие диски с двух сторон двадцать пять штук. Вы понимаете, что такое двадцать пять больших долгоиграющих, так сказать, пластинок? Он успел сделать семь, а заготовок еще немерено, причем сделать — это надо выбрать, отредактировать, потом сидеть ночами, лаборатория должна быть. В общем, он сделал, семь красочных конвертов художником нарисованы, остальных <нрзб> одной трети. Есть зоологи, у которых колоссальные биоакустические лаборатории с анализом, а тут — волк-одиночка, который все сделал на нервах. И когда он сейчас умер, они его очень высоко ценят

Я затеял два фильма про Вепринцева. Я написал заявку на два кинофильма: один — о консервации генома, а другой — о птицах. Там есть еще одна проблема, чтобы не забыть. Запись голосов — это тонкое дело. Когда птица поет двадцать секунд, вы слышите верещание, так же, когда на магнитофоне <нрзб> вы слышите прекрасное пение, поэтому изменение скоростей позволяет так анализировать голоса, как мы совершенно их не слышим. Мы слышим медленные голоса, соответственно нашему медленному <нрзб> петухов, кукушек, соловьев — это медленные, а масса из них поет в своем темпе, с другой скоростью, и вот идея записи нот, а потом проигрывания — я хочу, чтобы это в фильме было, чтобы там скрипач играл бы на скрипке в фильме не слышимое нами в авторском исполнении.

И последняя мелкая деталь. За все свои работы по звукозаписям, за все свои пластинки Вепринцев денег не получал, а тратил их на подарки. Он всегда жил, ну, на пределах. Это вот просто беда постоянная — так он и умер.

Первой женой Вепринцева была Наташа Крушинская. А когда он уехал в Пущино, а она не поехала, это семейство расстроилось. И замечательная Катя, любимая мной, просто вот я таю, когда ее вижу, потому что я ее знаю с раннего детства: она так похожа сразу и на Наташу, и на Бориса, она уже взрослая, ей уже за тридцать сильно.

А потом Ольга Дмитриевна. Первого выпуска нашей кафедры биофизики, Ольга Васильцова-Вепринцева, у них

два замечательных сына — Дима и Кирилл. Дима кончил университет, биофак, и вот, может быть, уедет в Америку стажироваться. А Кирилл сейчас учится. Дима ужасно похож на Бориса-студента, я не могу его видеть, он немножко грубее, чуть-чуть, но очень гены... До чего же сильная генетика: сквозь всех пробивает один и тот же облик генетический.

Очерк о представителе этого поколения... он, может быть, драматизирован и сжат, включая каторгу и все остальное, но он довольно типичен. Я знаю, что те, кто после попадали в диссидентство, из него не выходили. Этот решительно отказался от всех других, да он никогда и не занимался ничем, кроме активности такой. Впрочем, из этого поколения вышел Сергей Ковалев. Ну, и как-то они согласились, что он вышел в эту область, а они нет. И не было ни обид, ничего — просто разделение судеб.